

НУРИЕВ С МОЛОТКА

А мы были почти соседями

Недавний мажор — 1995 — 25 сев.

Мэлор Стура
(Нью-Йорк)

Другие берега

Я НИ РАЗУ не встречался с Нуриевым в Лондоне, хотя ходил на все его балеты в Ковент-Гардене. Советский журналист по определению считался агентом КГБ, а посему нежелание Рудика общаться со мной было вполне понятным. И в бытность мою в Нью-Йорке он сторонился такого общения. А мы были почти соседями. Я жил в «Швабхаузе», Нуриев — в «Дакоте». Приблизительно на одном и том же пяточке, примыкающем к Центральному парку Вест. «Дакота» был достопримечательностью, и не только в архитектурном плане. Здесь жили многие выдающиеся представители мира искусства, включая Джона Леннона и Леонарда Бернстайна. Мне посчастливилось бывать и у знаменитого «битлаза», и у великого дирижера. (На зависть Андрею Вознесенскому, который, как известно, лично знаком со всеми великими мира сего от А до Я и тем более — до О.)

Именно Бернстайну я обязан знакомством с Нуриевым. Его шестикомнатная квартира произвела на меня странное впечатление. Она выглядела пещерой из сказки об Али-Бабе, в которой сорок разбойников прятали награбленные сокровища. С точки зрения туриста, то было беспредельное торжество электического вкуса. Но за ним стояла целостность характера владельца квартиры — не всемирно известного танцора, а мальчика, родившегося и жившего в коммунальной норе где-то в предгорьях Урала. Покупая роскошные квартиры в Нью-Йорке, Лондоне, Париже и в других местах, Нуриев не жид, а мстил за прошлое. Жил он только на сцене.

И вот я вновь увидел предметы, окружавшие Нуриева в его нью-йоркской берлоге. Но уже не в «Дакоте», а в штаб-квартире аукционной фирмы «Кристис» на Парк-авеню. 6 января там открылся вернисаж пожитков покойного танцора в преддверии их продажи с молотка. По случайному совпадению именно на этот день пришлось вторая годовщина смерти Нуриева.

Аукцион проходил 12 и 13 января. В первый день продавались личные вещи Нуриева, привезенные из его лондонской квартиры; во второй — обстановка «Дакоты».

Наибольшее внимание участников аукциона, естественно, привлекли балетные «доспехи» танцора. Было выставлено 476 пар его танцевальных туфель-тапочек, сведенных в 17 лотов. Нуриев, предельно суеверный, никогда не выбрасывал балетную обувь. Она скапливалась в астрономическом количестве — от абсолютно развалившейся до совсем не ношенной. У Нуриева был специальный камердинер, в обязанность которого входило следить за тапочками. Он неотходно расставался с ними, некоторые по несколько раз отдавались в ремонт. В Ковент-Гардене

он имел целый шкаф, набитый туфлями, из которых танцор выбирал пару перед спектаклем. Зачастую он брал одну туфлю из одной пары, другую — из другой. Нуриев никогда не путешествовал без коробки с туфлями. На всякий случай. Его камердинер разносил туфли для хозяина. При жизни Нуриев подарил с автографом лишь одну пару своих туфель. Неношенных. Они хранятся в коллекции «Капедио».

Не меньшим спросом пользовались на аукционе и балетные костюмы Нуриева — принца Зигфрида из «Лебединого озера», для балетов «Жизель», «Петрушка» и особенно знаменитые шаровары с золотой цепью из «Корсара», в которых он дебютировал в 1962 г. в Ковент-Гардене. Нуриев был законченным нарциссом и по сути дела дизайнером своих балетных костюмов. Его камзолы были всегда очень короткими, что выгодно подчеркивало длину мускулистых ног, а воротники — открытыми, обнажавшими длинную шею, которой он очень гордился. С молотка пошли не все костюмы. Одиннадцать из них вновь вернулись в Лондон, где они будут навечно выставлены в коллекции Королевского балета. (Вещи и обстановка парижской квартиры Нуриева на аукцион не выставлялись в связи с тем, что продолжается тяжба с его сестрами и племянницей, оспаривающими завещание покойного.)

В пятницу с молотка шла обстановка «Дакоты» — картины кисти Рейнольдса и Таунсенда, мраморная скульптура, датированная I веком (римская), роскошная кровать под балахоном елизаветинского периода, клавиш работы лондонского мастера XVIII в. Киркмэна, викторианская ванная комната, китайские панели, редкие ковры, венецианские люстры XIX в. и другое «барахло». (Лично во мне особую ностальгию вызвали две софы, на которых я когда-то сидел и которые принадлежали до Нуриева великой певице Марии Каллас.)

Аукционы, подобные нуриевскому, обычно навевают грусть, что вполне понятно. Но отбросим сантименты! Недавний аукцион был по своей сути мажорным и послужил тому искусству, которое прославлял Нуриев и которое прославило его, — искусству классического танца. Дело в том, что вся выручка — более пяти миллионов долларов — пойдет согласно воле покойного в Фонд танца Рудольфа Нуриева в США (штаб-квартира в Чикаго) и в Фонд Рудольфа Нуриева в Европе (штаб-квартира в Лихтенштейне). Кто знает, быть может, эти миллионы сыграют роль повивальной бабки новых Нуриевых. Ибо музы, включая Терпсихору, питаются не только эфиром чистого искусства. Жаль, конечно, что от богатств «Дакоты» ничего не перепало русскому балету, взрастившему Нуриева, — самому знаменитому и сегодня — самому нищему, словно созданному для рваных, покрытых пятнами пота балетных туфель Рудика.